

Быкова Ольга Кирилловна, магистрант,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения»

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЗАВЕЩАНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем института недействительности завещаний, совершенных при чрезвычайных обстоятельствах. Рассматриваются пробелы гражданского законодательства, приводящие к противоречиям в судебной практике: отсутствие легальной дефиниции «чрезвычайных обстоятельств», спорные и формализованные требования к форме такого рода завещаний. Предлагаются пути совершенствования статьи 1129 ГК РФ.

Ключевые слова: Институт наследования, завещание, недействительность, ничтожность, чрезвычайные обстоятельства, судебная практика.

В условиях современной глобальной нестабильности в мировом сообществе одним из важнейших аспектов российского права является упор на защиту прав имущественных и личных неимущественных прав граждан.

Риски, которые связаны с прямой угрозой жизни, к примеру: природные и техногенные катастрофы, военные конфликты, пандемии, внезапные тяжелые заболевания, транспортные происшествия остаются неотъемлемой частью жизни граждан. В данных обстоятельствах особенно актуальной проблемой является реализация конституционного права гражданина распоряжаться имуществом на случай смерти в тех условиях, когда возможность составить нотариально удостоверенное завещание становится невозможной, она отсутствует в силу не зависящих от воли наследодателя причин, а именно, чрезвычайных обстоятельств.

Статья 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации указывает, что: «гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишен возможности совершить завещание в соответствии с правилами настоящего Кодекса, может изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме»[1]. Однако, не смотря на попытку законодателя упростить формальную процедуру составления завещания для лиц, которые не имеют объективной возможности посетить нотариуса в дни, которые могут стать последними, в настоящее время можно наблюдать тенденцию противоречий в судебной практике, признание целого ряда завещательных распоряжений недействительными.

Завещание является недействительным в силу признания его таковым судом (оспоримое завещание) или независимо от такого признания (ничтожное завещание). Основания для признания завещания юридически ничтожным могут быть следующими: «у завещателя на момент составления завещания отсутствовала дееспособность в полном объеме; завещание совершено через представителя; документ не был оформлен в письменном виде; завещание удостоверено лицом, которому в силу закона такое право не предоставлено; выявлено отсутствие свидетеля в тех случаях, когда его присутствие предусмотрено законом. Вышеперечисленный перечень не является исчерпывающим» [6]. На практике завещания, совершаемые при чрезвычайных обстоятельствах достаточно часто признаются именно

ничтожными. К этому приводят достаточно спорные требования гражданского законодательства, а также существующие пробелы в российском праве.

Одним из первых и ключевых аспектов, которые требуют критического анализа, является отсутствие в статье 1129 ГК РФ дефиниции, которая смогла бы раскрыть, что конкретно законодатель понимает под «чрезвычайными обстоятельствами», а также последующее обязательное признание чрезвычайности судом.

Указывается положение, которое непосредственно угрожает жизни наследодателя, а также сложившаяся в связи с этим жизненная ситуация, в соответствии с которой он лишен возможности посетить нотариуса для личного составления завещания. Основная проблема, с которой сталкиваются многочисленные наследники и суды - это, с одной стороны, то, что положение, которое угрожает жизни наследодателя, не всегда признается судебным органом чрезвычайным обстоятельством, с другой, представление о чрезвычайных обстоятельствах является обобщенным в силу отсутствия прямой дефиниции в законе, что приводит к субъективному толкованию судьями данной нормы.

Так, например, в производстве одного из судов г. Новокузнецка находилось дело о признании завещания, как составленного при чрезвычайных обстоятельствах. Истец ссылаясь на следующие обстоятельства дела: ее мать долгое время болела, одним вечером внезапно ее состояние ухудшилось слишком сильно и быстро, возможность вызова нотариуса на дом отсутствовала в силу позднего времени, поэтому наследодательница оставила завещательное распоряжение в простой письменной форме. Анализируя данную ситуацию можно увидеть, что положение, которое угрожало жизни наследодателя напрямую, явно присутствовало, тот факт, что ухудшение было резким также можно отнести к чрезвычайности. Однако, суд пришел к следующим выводам: «ссылки истицы на плохое состояние здоровья не подтверждает наличия чрезвычайных обстоятельств в момент составления завещания. Ухудшение состояния здоровья при длительном заболевании не может относиться к чрезвычайному обстоятельству» [5]. Было принято решение о признании недействительности данного распоряжения. Суд исходил из того, что у матери истца была длительная болезнь, соответственно, посещение нотариальной конторы до ухудшения состояния было возможно и необходимо, чрезвычайность обстоятельств, которые привели к смерти, здесь отсутствует.

В связи с этим является противоречивым решение суда в Белгородской области, которым, наоборот, было решено признать завещание действительным и удовлетворить требования истца. Так: «ФИО 3 тяжело заболела, не смогла выехать к нотариусу для составления завещания, в присутствии двух свидетелей ФИО 4 и ФИО 6 собственноручно написала завещание, которым завещала ФИО1 жилой дом и земельный участок. Через 4 дня – 11 мая 2015г. ФИО3 умерла» [4]. Суд исходил из того, что мать истца тяжело заболела внезапно, это состояние угрожало ее жизни, соответственно, возможности посетить нотариуса для составления завещания заранее у нее не было. Однако, представляется, что в течение пяти дней болезни реализация процедуры вызова на дом нотариуса возможна, что в данном случае не было принято судом во внимание.

Таким образом, судебная практика показывает нам, что отсутствие четкой дефиниции чрезвычайности обстоятельств порождает субъективность суда при рассмотрении данного вида дел, что приводит к неоднозначности при определении действительности или недействительности завещания. Каждый суд исходит только из своих внутренних оценок и обстоятельств дела, норм морали и этики.

В 2020 году в период пандемии также особо ярко был продемонстрирован данный пробел законодательства. Так, «женщина 1932 года рождения, находясь в разгар пандемии в ковидном ОРИТ (за 3 дня до своей кончины), попросила врача оформить завещание. Оно было

составлено, подписано заместителем главврача и лечащим врачом, после смерти пациентки - передано контактному лицу и одному из наследников. Однако впоследствии нотариус отказался признавать завещание, а суды всех инстанций с ним согласились» [2]. Данное завещание не было признано нотариально удостоверенным по той причине, что лица, которые подписали его, не были уполномочены это делать. Но и совершенным при чрезвычайных обстоятельствах оно не могло считаться. Завещание было признано недействительным.

Важно, что позже Конституционный суд разъяснил, что в некоторых случаях, больничные завещания можно отнести к составленным в чрезвычайных обстоятельствах, если будет доказано, что красная зона для главного врача была закрыта и возможность попасть к больному пациенту для удостоверения его завещания отсутствовала.

Следующее основание для признания недействительности завещания, - несоблюдение простой письменной формы и отсутствие двух свидетелей. Достаточно спорным выглядит требование простой письменной формы для лица, оказавшегося перед лицом смертельной опасности. Так, например для лиц: «находящихся в эпицентре военных действий, огненных точках, для граждан, находящихся в эпицентре техногенных катастроф, находящихся в заложниках, для лиц, оказавшихся в обстоятельствах, возникших в результате стихийных бедствий (природные ЧС), аварий и катастроф в промышленности»[3] целесообразным выглядит оформление завещания в цифровом виде - аудио или видео запись.

В настоящее время гражданский кодекс устанавливает запрет на использование электронных, либо иных технических средств, соответственно, составленное в таком виде завещание будет являться недействительным с момента начала его реализации. Однако, найти ручку/карандаш и лист бумаги в ситуации, когда на счету каждая минута, может быть невозможно. При этом, запись на аудио, из которой будет явно следовать, что лицо составило устное завещание, позволит сделать те выводы для суда, которые не всегда можно сделать из бумажного документа: лицо было полностью дееспособно, осознавало свои действия, находилось в здравом уме, а обстоятельства действительно были чрезвычайными. В условиях современных реалий данный запрет является ограничением права лица на распоряжение своими личными имущественными и неимущественными правами.

Также, при определении легальности завещаний, совершенных при чрезвычайных обстоятельствах, как уже было отмечено, не последнюю роль играют свидетели. Их должно быть два. При этом, важно отметить, что не каждое окружающее наследодателя в момент чрезвычайных обстоятельств лицо может быть к ним отнесено, так, например, законодатель запрещает быть свидетелем лицу, в пользу которого составлено завещание или сделан завещательный отказ, супругу такого лица, его детям или родителям.

С одной стороны, у данных лиц просматривается интерес к содержанию завещания, в дальнейшем его необходимо будет признать недействительным, можно будет классифицировать как давление на наследодателя, его последняя воля не могла быть выражена свободно.

Противоположная точка зрения - в изложенных выше ситуациях рядом были именно родные лица. Также, как быть в ситуации, когда целая семья была захвачена в заложники, кто-то был смертельно ранен и не дождался освобождения? Это очень тонкий и противоречивый вопрос, который показывает, что очень многое зависит именно от конкретных жизненных обстоятельств, жизнь многогранна и, видимо, по этой причине законодатель не включил какое-либо конкретное определение чрезвычайных обстоятельств, их критерии и возможные исключения из общих правил для совершения завещания.

Таким образом, проблема признания недействительности завещаний наиболее остро проявляется именно в контексте завещаний, совершенных при чрезвычайных обстоятельствах. Отсутствие четкого законодательного определения «чрезвычайных

обстоятельств», формализованные требования к форме завещания и наличию свидетелей, которые не учитывают самую возможную «экстремальность» ситуации, ведут к разобщенности судебной практики, создается правовая неопределенность, которая требует дальнейшего реформирования института завещания в российском праве.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. КС РФ разъяснил правила составления завещания в "красной" зоне COVID-стационара [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/news/1747773/> (дата обращения: 02.04.2026)
3. Перемышленникова И.Н. О некоторых проблемах доказывания по делам, связанных с оформлением завещаний // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 9-1. – С. 178-185.
4. Решение Губкинского районного суда Белгородской области по делу № 2-408/2018 [электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: интернет-портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bYak69RyGbJP/> (дата обращения: 01.04.2026).
5. Решение Заводского районного суда г. Новокузнецка по делу № 2-833/2018 [электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: интернет-портал. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9ZfpfFba4gdl/> (дата обращения: 01.04.2026).
6. Столяренко Э. Д. Понятие недействительности завещания // Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека: сборник научных работ преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. Том 4. Ставрополь: СКФУ, 2020. С. 294.

